

презрение к ней, которое они сами к ней питают. Я думаю, однако, что эта презираемая классическая механика будет и в будущем так же необходима, как и теперь, и тот, кто не будет знать ее основательно, не будет в состоянии понять и новую механику.

Глава IX

МОРАЛЬ И НАУКА

В последнюю половину XIX века очень часто мечтали о создании научной морали. В то время не удовлетворялись восхвалениями воспитательной силы науки, преимущества, которое человеческая душа извлекает для своего совершенствования из непосредственных сношений с истиной. Считали, что наука неоспоримым образом выявит моральные истины, как это она сделала с теоремами математики и с законами, высказанными физиками.

Религии могут иметь большую власть над верующими душами, но не все верующие; вера имеет силу только над некоторыми, разум же — над всеми. Именно к разуму и необходимо обратиться, я не говорю к разуму метафизика, построения которого блестящи, но эфемерны, как мыльные пузыри, которыми один миг забавляются и которые лопаются. Одна наука строит прочно; она построила астрономию и физику, она сейчас строит биологию, тем же способом завтра она построит мораль. Ее предписания будут царить безраздельно, никто не посмеет ворчать против них, и больше не будут ни у кого мысли восставать против нравственного закона, как сейчас никто не помышляет выступать против теоремы трех перпендикуляров или закона тяготения.

С другой же стороны, были люди, видевшие в науке всевозможное воплощение зла, которые считали ее школой безнравственности. Не только потому, что она отводит слишком много места материи, что она лишает нас чувства почтения, так как почитают только то, на что не решаются смотреть. Но разве ее заключения не являются отрицанием морали? Она, как сказал не помню какой знаменитый автор, погасит небесные светила или по меньшей мере лишит их того, что они имеют таинственного, чтобы свести их

к вульгарным газовым горелкам. Она выяснит нам фокусы создателя, который тем самым потеряет часть своего престижа; нехорошо позволять детям заглядывать за кулисы, это может вселить в них сомнение в существовании буки. Если разрешить действовать ученым, то скоро не будет морали.

Что должны мы думать о надеждах одних и опасениях других? Я не колеблюсь ответить: они напрасны, как одни, так и другие. Не может быть научной морали и тем более не может быть безнравственной науки. И причина этого очень проста; эта причина, как бы сказать, чисто грамматическая.

Если посылки силлогизма обе в изъявительном наклонении, то заключение будет равным образом в изъявительном наклонении. Чтобы заключение могло быть поставлено в повелительном наклонении, необходимо, чтобы по крайней мере одна из посылок была в повелительном наклонении. Принципы же науки, постулаты геометрии высказаны только в изъявительном наклонении, в этом же наклонении выражаются и экспериментальные истины, и в основе наук нет и быть не может ничего другого. Затем, наиболее острый диалектик может сколько угодно жонглировать с этими принципами, соединять их, нагромождать их друг на друга; все, что он из них получит, будет в изъявительном наклонении. Он никогда не получит предложения, которое говорило бы: делай это или не делай того, т. е. предложения, которое бы соответствовало или противоречило морали.

В этом-то и заключается трудность, с которой издавна сталкивались моралисты. Они стараются доказать нравственный закон; нужно им это простить, так как в этом состоит их ремесло; они хотят основать мораль на чем-либо, как будто она может опираться на что-либо иное, чем на саму себя. Наука показывает, что человек, живя, может только так или иначе разрушаться; а если я мало печалюсь своим разрушением, если я назову прогрессом то, что вы называете разрушением? Метафизика предлагает нам согласоваться с общим законом существа, на открытие которого она претендует. Можно будет ей ответить, что я предпочитаю подчиняться моему особому закону. Я не знаю, что она ответит, но могу вас уверить, что ее слово не будет последним.

Счастливей ли религиозная мораль, чем наука или метафизика? Подчиняйтесь, потому что так повелевает бог и потому что он хозяин, который может сломить любое сопротивление. Убедительно ли это и нельзя ли поддержать мысль, что это прекрасно — выступить против всемогущества и что в дуэли между Юпитером и Прометеем победителем явился израненный Прометей? И потом, это не столько послушание, сколько подчинение силе; повинование сердца не может быть принудительным.

Также не можем мы основывать мораль на интересах общества, на понятии родины, на альтруизме, потому что остается недоказанной необходимость в случае нужды посвятить себя обществу, которому принадлежишь, или даже благу другого; и этого доказательства никакая логика, никакая наука не смогут нам дать. Больше того, мораль вполне понятной выгоды, мораль эгоизма была бы бессильной, так как в конце концов не известно точно, что удобнее быть эгоистом и что есть люди, которые таковыми вовсе не являются.

Всякая догматическая мораль, всякая мораль с доказательствами заранее обречена на верную неудачу; она, как машина, где есть только передача движения и нет движущей энергии. Моральным двигателем, таким, который мог бы привести в движение весь аппарат со всеми рычагами и зубчатками, может быть только чувство. Нельзя доказать нам, что мы должны иметь сострадание к несчастным, но стоит показать нам незаслуженную нищету, зрелище, которое — увы! — слишком часто, и мы почувствуем подымающееся в нас чувство возмущения. Я не знаю, какая энергия подымается в нас, она не будет слушать никаких рассуждений и будет влечь нас непреодолимо и как бы помимо нас.

Нельзя доказать, что нужно подчиняться богу, хотя бы нас убедили в том, что он всемогущ и что он может нас раздавить; хотя бы нас убедили в том, что он благ и что мы обязаны быть ему признательными; есть люди, которые считают, что право неблагодарности — самая ценная из наших свобод. Но если мы любим этого бога, то все доказательства будут излишними, и покорность ему покажется нам вполне естественной. Поэтому-то религии имеют власть, тогда как метафизические учения ее не имеют,

Если бы нас попросили оправдать рассуждением нашу любовь к родине, то мы могли бы оказаться в большом затруднении; но стоит нам мысленно представить себе наши армии разбитыми и Францию плененной, как все наше сердце сожмется, на глазах покажутся слезы, и мы не станем уже ничего слушать. И если некоторые люди сейчас столь полны софизмами, то это, конечно, потому, что они не имеют достаточного воображения и не могут представить себе всех бедствий, и если несчастье или какое-нибудь небесное наказание пожелало бы, чтобы они его увидели своими глазами, то их души так же восстанут, как и наши

Итак, одна наука не может создать морали; тем более она не может сама и непосредственно пошатнуть или разрушить традиционную мораль. Но не может ли она оказать косвенного влияния? То, что я сказал, указывает, каким путем она может влиять. Она может породить новые чувства не потому, что чувства могут быть объектом доказательства, а потому, что всякая форма человеческой деятельности влияет на самого человека и создает ему новую душу. Существует профессиональная психология для всякого ремесла; чувства рабочего не являются чувствами финансиста, ученый, конечно, также имеет свою особую психологию, и он кое-что из нее рассеивает на тех, которые касаются науки лишь случайно.

С другой стороны, наука может пустить в дело чувства, которые существуют, очевидно, у всякого человека. Чтобы вернуться к нашему сравнению, построим сложную сеть рычагов и рукояток; машина не пойдет, пока не будет пара в котлах, но если пар в них есть, то работа, которую он произведет, не всегда будет одна и та же; она будет зависеть от механизма, к которому ее приложат. Точно так же можно сказать, что чувство дает только главную движущую силу нашему действию; оно дает главную посылку нашего силлогизма, которая, как это и должно быть, будет в повелительном наклонении. Наука, со своей стороны, дает малую посылку, которая будет в изъявительном наклонении, и выведет из них заключение, которое может быть в повелительном. Мы последовательно рассмотрим обе точки зрения,

Сперва зададим вопрос: может ли наука явиться создательницей или вдохновительницей чувства, а то, что не может сделать наука, не может ли сделать любовь к науке?

Наука ставит нас в постоянное соприкосновение с чем-либо, что превышает нас; она постоянно дает нам зрелище, обновляемое и всегда более глубокое; позади того великого, что она нам показывает, она заставляет предполагать нечто еще более великое: это зрелище приводит нас в восторг, тот восторг, который заставляет нас забывать даже самих себя, и этим-то он высоко морален.

Тот, кто его вкусил, кто увидел хотя бы издали роскошную гармонию законов природы, будет более расположен пренебрегать своими маленькими эгоистическими интересами, чем любой другой. Он получит идеал, который будет любить больше самого себя, и это единственная почва, на которой можно строить мораль. Ради этого идеала он станет работать, не торгуя своим трудом и не ожидая никаких из тех грубых вознаграждений, которые являются всем для некоторых людей. И когда бескорыстие станет его привычкой, эта привычка будет следовать за ним всюду; вся жизнь его станет красочной. Тем более, что страсть, вдохновляющая его, есть любовь к истине, а такая любовь не является ли самой моралью? Есть ли что-либо более важное, чем борьба с ложью, с этим одним из наиболее распространенных пороков у примитивного человека и одним из самых позорных? Теперь же, когда мы приобретем привычку к научным методам с их скрупулезной точностью, опасением всякого случайного результата, могущего произойти при опыте, когда мы привыкаем бояться как верха бесчестия всякого упрека хотя бы в неумышленном искажении наших результатов, когда это станет нашей неизгладимой профессиональной чертой, второй природой, разве после этого мы не перенесем во все наши действия этого искания абсолютной искренности в столь сильной степени, что перестанем понимать причины, заставляющие других людей лгать, и разве это не лучший способ достигнуть наиболее редкого и наименее достижимого из всех видов искренности, того, который заключается в том, чтобы не обманывать самого себя?

В наших слабостях величие нашего идеала нас поддержит; можно предпочесть ему другой, но в конце концов, не является ли бог ученого особенно великим потому, что он все более и более от нас удаляется? Правда, он неумолим, и многие души от него отрекутся, но по крайней мере он не разделяет нашей мелочности и нашей мизерной злопамятности, как это слишком часто делает бог теологов. Эта идея правила, более сильного, чем мы, от которого нельзя отрешиться и с которым необходимо во что бы то ни стало примириться, также может оказывать благотворное влияние; его можно по крайней мере выдерживать. Разве не было бы лучше, если бы наши крестьяне верили, что закон не может никогда измениться, вместо того чтобы думать, что власть изменит его в их пользу, стоит только им найти заступничество достаточно влиятельного депутата?

Наука, как сказал Аристотель, имеет предметом общее; во всяком частном случае она будет искать общий закон и требовать все более и более широкого обобщения. На первый взгляд кажется, что это только интеллектуальная привычка, но и интеллектуальные привычки имеют свой моральный отголосок. Если вы привыкнете мало обращать внимание на частность, на случайность, потому что ваш ум перестал ими интересоваться, то вы, естественно, придете к тому, что станете их мало ценить, не будете видеть в них желанную цель и будете без труда пренебрегать ими. Чем больше смотришь в даль, тем, так сказать, сильнее становишься дальнозорким, перестаешь видеть малое и, не видя его больше, теряешь желание сделать его целью жизни. Так естественно склоняются к подчинению частных интересов интересам общим, и в этом снова есть мораль.

Далее, наука служит нам и другую службу: она является коллективным творчеством и не может быть ничем иным; она как монументальное сооружение, строить которое нужно века и где каждый должен принести камень, а этот камень часто стоит ему целой жизни. Следовательно, она дает нам чувство необходимой кооперации, солидарности наших трудов с трудами наших современников, наших предшественников и наших последователей. Понимают, что человек есть только солдат, только маленькая частица всего.

Это то же чувство дисциплины, которое формирует военное сознание и которое так изменяет простую душу крестьянина или бессовестную душу авантюриста, что делает их способными на любой героизм и любое самопожертвование. В чрезвычайно различных условиях оно может равным образом оказать благодетельное действие. Мы чувствуем, что работаем для человечества, и человечество от этого становится нам более дорогим.

Вот за, а вот и против. Если вам наука уже не представляется бессильной над сердцами, индифферентной в морали, то не может ли она столь же хорошо, как полезное, оказывать и вредное действие? Прежде всего, всякая страсть исключительна, не заставит ли она нас потерять из виду все, что к ней не относится? Любовь к истине, — без сомнения, великое дело, но будет ли хорошо, если мы для того, чтобы ее добиться, пренебрежем гораздо большими драгоценностями, как то: доброта, сострадание, любовь к ближнему? При какой-нибудь новой катастрофе, землетрясении мы забудем стоны раненых, чтобы думать только о направлении и амплитуде толчков; мы, пожалуй, увидим даже счастье в этой катастрофе, если она выяснит некоторые неизвестные законы сейсмологии.

Вот напрашивающийся пример: физиологи без малого угрызения совести производят вивисекцию¹⁾, и с точки зрения большей части старых дам это преступление, которое не могут оправдать никакие прошлые или будущие благодеяния науки. Из этого заключают, что биологи, столь неумолимые в отношении животных, должны стать жестокими и в отношении людей. Но они без всякого сомнения ошибаются, я знал среди них очень мягкосердечных.

Вопрос вивисекции заслуживает того, чтобы на нем немного остановиться, хотя он меня и увлечет несколько в сторону от темы. Здесь выявляется один из тех конфликтов долга, которые практика жизни показывает нам на каждом шагу. Человек не может отказаться от знания, не опускаясь; поэтому-то интересы науки священны. Они таковы еще и потому, что они

¹⁾ Вивисекция (живосечение) — хирургическая операция на живом животном с целью изучения функций отдельных частей организма. — *Примеч. ред.*

могут излечивать или предотвращать болезни, количество которых неисчислимо. А с другой стороны, причинение страданий грешно (я не говорю смерти, я говорю страданий). Хотя низшие животные, конечно, менее чувствительны, чем человек, они все же заслуживают сострадания. Но из этого затруднения можно выйти только ценой компромиссов: биолог не должен предпринимать ничего *in anima vili*¹⁾ кроме действительно полезных опытов. Очень часто существуют способы свести страдания к минимуму, ими также следует пользоваться. Но в этом отношении нужно обращаться к своей совести, всякие законные вмешательства были бы несвоевременны и немного смешны. Парламент все может, говорят в Англии, кроме превращения мужчины в женщину; он все может, скажу я, кроме вынесения компетентного приговора в области науки. Нет такого авторитета, которые мог бы издать правила, определяющие полезность эксперимента.

Но я возвращаюсь к предмету. Есть люди, которые говорят, что наука сушит сердца, что она привязывает нас к материи, что она убивает поэзию — единственный источник всех общих чувств. Душа, которую она затронула, вянет и становится неспособной к высоким порывам, умилению, энтузиазму. Я этого не думаю и только что говорил противоположное; но это очень распространенное мнение, и оно должно иметь под собой некоторую почву. Оно доказывает, что одна и та же пища не всем подходит.

Что же мы должны заключить? Наука, широко понимаемая, преподаваемая учителями, которые ее понимают и любят, может играть очень полезную и важную роль в моральном воспитании. Но было бы ошибкой наделять ее исключительной ролью. Она может пробудить добродетельные чувства, которые могут служить моральным двигателем, но то же могут сделать и другие дисциплины; было бы глупостью отказываться от всякой помощи, нам не хватает и всех их совместных усилий. Существуют люди, не осведомленные в научных вещах; простое наблюдение показывает, что во всех классах есть ученики, которые «сильны» в литературе, но «слабы» в науке. Было бы странно

¹⁾ На живом организме (лат.). — *Примеч. ред.*

думать, что наука, ничего не говорящая их уму, могла бы что-либо говорить их средцу!

Я перехожу к следующему пункту. Наука, как и всякий род деятельности, может не только вызывать новые чувства, но, кроме того, она может на старых чувствах, которые произвольно возникают в сердце человека, создавать новые построения. Нельзя себе представить силлогизма, в котором обе посылки были бы в изъявительном наклонении, а вывод — в повелительном, но можно представить себе такие, которые образованы по следующему типу: делай так или, если этого не делают, то, так как нельзя сделать того, делай это. И подобные заключения не лежат вне науки.

Чувства, на которые может опереться мораль, очень различны по природе, они не встречаются все в одинаковой мере в различных душах. У одних доминируют одни, и есть души, у которых другие струны всегда готовы звучать. Одни будут, прежде всего, сострадательны, их будет трогать страдание ближнего. Другие все подчиняют социальной гармонии, всеобщему благополучию, или даже они станут желать величия своей стране. Еще другие будут иметь идеалом красоту, и они будут считать, что нашей первой обязанностью является самим совершенствоваться, стараться сделать сильнее, достигать совершенства в вещах, которые не безразличны для счастья, не унижаться в своих собственных глазах.

Все эти стремления похвальны, но они различны; может быть, из этого различия произойдет конфликт. Если наука показывает нам, что это разногласие не опасно, если она доказывает, что нельзя достичь одной из этих целей, не стремясь к другой (а это в ее компетенции), то она сослужит полезную службу, окажет моралистам большую помощь. Те отряды, которые до сих пор боролись неорганизованно и в которых каждый солдат стремился к своей особой цели, тогда сомкнут ряды, потому что им докажут, что победа каждого является общей победой. Их усилия станут направленными, и неорганизованная толпа станет дисциплинированной армией.

Не в этом ли направлении стремится наука? Можно надеяться, что это так. Она все более и более стремится показать нам солидарность различных частей Вселенной и выяснить ее гармонию, Является ли эта

гармония действительной или же она есть потребность нашего ума и, следовательно, постулат науки? Это вопрос, который я не возьмусь разрешить. Всегда наука стремится к единству и заставляет нас стремиться к этому. Подобно тому, как собирает она частные законы и сводит их к общему закону, не соединит ли она воедино и интимные переживания наших сердец, внешне столь различные, столь капризные, столь чуждые друг другу?

Но если она потерпит крушение в этом стремлении, какой ужас, какое разочарование! Не может ли тогда она причинить столько зла, сколько могла бы сделать добра? Эти ощущения, эти чувства, столь хрупкие, столь нежные, вынесут ли они анализ? Малейший свет не выяснит ли нам их тщетность и не придем ли мы к вечному вопросу: для чего? Для чего сострадание, ведь чем больше его проявляешь к людям, тем требовательней они становятся, тем они, в свою очередь, становятся несчастнее; ведь сострадание может породить не только неблагодарных, это не столь уж важно, но оно ожесточает души? Для чего любовь к родине, ведь ее величие — чаще всего позолоченная нищета? Зачем стремиться к самосовершенствованию, ведь живем-то мы всего один день? Если бы, к несчастью, наука предоставила свое авторитетное мнение в пользу этих софистов!

И далее, наши души — сложная ткань, где нити, образованные сочетаниями наших мыслей, перекрещиваются и путаются во всех направлениях. Разрезать одну из этих нитей — значит сделать в ней огромную прореху, которую никто не может предвидеть. Эту ткань делали не мы, она досталась нам из прошлого; часто наши наиболее благородные стремления незаметно для нас оказываются так сильно связанными с самыми старыми и самыми смешными предрассудками. Наука разрушит эти предрассудки, это ее естественная задача, это ее долг. Не пострадают ли от этого благородные стремления, которые связывались старыми привычками? Без сомнения, нет — у сильных духом. Но дух силен только у светлых умов, а есть ведь и простые души, которые рискуют не выдержать испытания.

Утверждают, что наука явится разрушительницей; пугаются тех развалин, которые она нагромоздит, и

опасаются, что там, где она пройдет, не сможет жить общество. Нет ли в этих опасениях некоторого внутреннего противоречия? Если научно докажут, что тот или иной обычай, который считали необходимым для самого существования человеческих обществ, не имел в сущности того значения, которое ему приписывали и который представлялся нам таким только благодаря своей уважаемой древности, если докажут это, предполагая такое доказательство возможным, то не будет ли поколеблена моральная жизнь человечества? Одно из двух: или обычай полезен, и тогда никакие научные рассуждения не смогут доказать, что он не является таковым, или же он бесполезен, и тогда о нем нечего жалеть.

Как только мы положим в основу наших силлогизмов одно из великих чувств, приводящих к нравственности, то его же, а следовательно, и мораль должны мы будем найти в конце всей цепи наших рассуждений, если только они велись согласно правилам логики; погибнуть рискует только несущественное, только то, что было в нашей моральной жизни случайным; только важное может оказаться в заключениях, так как оно было в предпосылках.

Следует бояться только неполной науки, той, которая ошибается, той, которая нас приманивает пустыми видимостями и заставляет нас, таким образом, разрушить то, что мы затем пожелали бы восстановить, когда мы будем лучше осведомлены и когда будет слишком поздно. Есть люди, которые заражаются идеей не потому, что она правильна, но потому, что она нова, что она модна. Это ужасные разрушители, но они не... Я хотел сказать, что это не ученые, но я замечаю, что многие из них сослужили большую службу науке; следовательно, они ученые, только не по этой причине, а вопреки ей.

Истинная наука избегает скороспелых обобщений и теоретических выводов, если уж физик их остерегается, хотя он имеет дело с людьми сильными и стойкими. Но что же делать моралисту, социологу, когда так называемые теории, которые он имеет, в сущности сводятся к грубым сравнениям, подобным сравнению общества с организмом. Наука, напротив, является и может быть только экспериментальной, а экспериментом социологии является история прошлого, по-

этому нужно критиковать традиции, а не уничтожать их.

Морали нечего бояться науки, воодушевленной истинным духом опыта. Подобная наука уважает прошлое, она противоположна тому научному снобизму, который так легко надуть нововведениями; она продвигается только шаг за шагом, но всегда в одном направлении и всегда в верном направлении. Лучшее лекарство против половинного знания есть наибольшее знание.

Существует еще другой способ установления взаимоотношений науки и морали. Нет ни одного предмета, который не мог бы быть объектом науки, так как нет ни одного, который бы не мог быть наблюдаем. Явления морального характера не ускользают от нее так же, как и другие. Натуралист изучает общества муравьев и пчел и изучает их спокойно; точно так же ученый старается судить о людях, как если бы он не был сам человеком: встать на место обитателя, не знаю какого, далекого Сириуса, для которого города будут лишь муравьиными кучами. Это его право, в этом ремесло ученого.

Наука об обычаях будет сперва чисто описательной: она нас научит обычаям людей и скажет нам, чем они являются, не говоря о том, чем они должны были бы быть. Затем она будет наукой сравнительной: она нас проведет в пространстве, чтобы позволить нам сравнить обычаи различных народов, как диких, так и цивилизованных, а также и во времени, чтобы мы могли сравнить вчерашние обычаи с обычаями сегодня. Наконец, она попытается сделаться объясняющей наукой, и в этом заключается естественная эволюция всякой науки.

Дарвинисты будут стараться нам объяснить, почему все известные народы подчиняются законам морали, говоря нам, что естественный отбор издавна уничтожал тех, которые были столь глупы, что воздерживались от них. Психологи объяснят нам, почему предписания морали не всегда согласны с общими интересами. Они скажут нам, что человек, захваченный вихрем жизни, не имеет времени обдумывать все последствия своих действий, что он может подчиняться только общим правилам, что против них будут тем менее спорить, чем они будут проще, и что для того, чтобы

они были полезны, а следовательно, и чтобы их мог создать естественный отбор, достаточно, чтобы они как можно более часто совпадали с общим интересом. Историки объяснят нам, что из двух моралей, одна из которых подчиняет индивидуум обществу, а другая имеет сострадание к индивидууму и полагает в основу благо ближнего, именно вторая непрерывно развивалась по мере того, как общества становились менее дикими, более сложными и в конечном счете менее подверженными катастрофам.

Эта наука о нравах не есть мораль и никогда ею не будет; она может заменить мораль не более чем трактат по физиологии пищеварения может заменить хороший обед. То, что я до сих пор говорил, не позволяет мне настаивать.

Но дело не в этом. Эта наука — не мораль, но, может быть, она полезна, может быть, она опасна для морали? Одни скажут, что объяснить — это всегда значит, в некоторой мере, оправдать, и это можно с легкостью поддержать; другие скажут, наоборот, что не лишено опасности показывать нам мораль различных рас и местностей, что это научит нас разбирать то, что должно быть слепо принято, приучит видеть случайность в том, в чем следовало бы видеть только необходимость. Возможно, что они и не совсем правы. Но, откровенно говоря, не является ли преувеличением влияние теорий на людей, мало с ними соприкасающихся, для которых они всегда останутся посторонними абстракциями? Когда страсти, одни великодушные, другие низкие, борются в нашем сознании, то какое значение при столь властных противниках может иметь метафизическое различие случайного и необходимого?

Хотя мне уже скоро придется закончить свои рассуждения, я все же не могу обойти молчанием один важный пункт. Наука детерминистична, она является таковой *a priori*, она постулирует детерминизм, так как без него она не могла бы существовать. Она является таковой и *a posteriori*; если она постулировала его с самого начала как необходимое условие своего существования, то она затем строго доказывает его своим существованием, и каждая из ее побед является победой детерминизма. Может быть, примирение возможно. Можно ли предположить, что это продвиже-

ние детерминизма вперед будет продолжаться беспрепятственно и без отступления, не зная непреодолимой преграды, и что в то же время мы не имеем права перейти к пределу, как говорим мы — математики, и вывести абсолютный детерминизм, потому что в пределе детерминизм исчезнет в тавтологии или в противоречии? Это — вопрос, который изучали безнадежно в течение веков, и я не могу его развить в течение тех нескольких минут, которыми я располагаю.

Но мы стоим перед фактом: наука, ошибается ли она или нет, детерминистична; всюду, куда бы она ни проникала, она ведет за собой детерминизм. Пока дело идет только о физике или даже о биологии, это не имеет большого значения; область совести остается незатронутой. А если придет день, когда мораль в свою очередь станет объектом науки? Она неизбежно пропитается детерминизмом, и это, конечно, будет ее разрушением.

Все ли потеряно или же, если когда-нибудь мораль должна подчиниться детерминизму, то не могла бы она принять его, не умирая от этого? Без сомнения, столь глубокая революция в метафизике гораздо меньше отразилась бы на нравах, чем это думают. Вполне понятно, что не так обстояло бы дело с уголовным наказанием: то, что называли преступлением или наказанием, стали бы называть болезнью или профилактическим лечением, но общество сохранило бы неизменным свое право, которое состоит не в праве наказывать, а только в праве защищаться. Что важнее всего, так это то, что идея заслуги и вины должна была бы исчезнуть или измениться. Но стали бы продолжать любить человека добра, как любят все то, что красиво. Тогда бы уже не имели права ненавидеть порочного человека; он бы вселял только отвращение. Да разве это так уж необходимо? Достаточно, чтобы не переставали ненавидеть порок.

В остальном все пойдет по-старому; инстинкт сильнее всякой метафизики, и хотя бы его доказали, хотя бы разгадали секрет его силы, от этого его сила не ослабеет. Стало ли тяготение более преодолимым после Ньютона? Моральные силы, управлявшие нами, и будут продолжать управлять нами.

И если, как говорит Фулье, идея свободы сама является силой, то эта сила мало уменьшается, даже

если бы когда-нибудь ученые доказали, что она основана на иллюзии. Эта иллюзия слишком прочна, для того чтобы ее можно было рассеять какими-нибудь рассуждениями. Самый непримиримый детерминист еще долго будет говорить в повседневном разговоре «я хочу» и даже «я должен», и притом в согласии с наиболее могущественной частью своей души, той, которая не познана и которая не рассуждает. Столь же невозможно действовать не так, как действует свободный человек, как невозможно рассуждать иначе, чем детерминист, когда строят науку.

Черт не так страшен, как его малюют, и, может быть, есть и другие причины его не бояться. Можно надеяться, что в абсолюте все примиряется и что для неограниченного разума поведение человека, который действует так, как если бы он был свободен, и человека, который думает так, как если бы свободы не существовало вовсе, покажутся равнозаконными.

Мы последовательно вставляли на различные точки зрения, с которых можно рассмотреть взаимоотношения науки и морали; теперь следует перейти к заключениям. Нет и никогда не будет научной морали в собственном смысле слова, но косвенным путем наука может оказаться помощницей морали. Наука, широко понимаемая, может только ей служить; опасна лишь полунаука. Затем, одной науки недостаточно, так как она видит только часть человека или, если вы хотите, она видит все, но под одним углом и так как приходится думать о ненаучных умах. С другой стороны, опасения, как и слишком обширные надежды, кажутся мне одинаково химерическими. Мораль и наука по мере своего развития будут превосходно согласовываться друг с другом.

Глава X

МОРАЛЬНЫЙ СОЮЗ

Сегодняшнее собрание объединяет людей чрезвычайно различных взглядов, которых свели только добрая воля и одинаковое желание добра. Однако я не сомневаюсь, что они легко понимают друг друга, так как, если у них и различные мнения относительно